Шевченко, К. В. Русинское национальное меньшинство в Словакии: этнокультурное и политическое развития в 1920-х гг. / К. В. Шевченко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 9 – 19

К. В. Шевченко

РУСИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО В СЛОВАКИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В 1920-х гг.

Решение о вхождении населенных карпатскими русинами земель северо-восточной Венгрии (Угорская Русь) в состав Чехословакии на условиях широкой автономии было достигнуто в ходе переговоров лидера Американской Народной Рады угрорусинов Г. Жатковича с Т. Г. Масариком в октябре 1918 г. в США. В ноябре 1918 г. состоялся референдум среди русинской диаспоры США, 67 % участников которого поддержали данное решение. 8 мая 1919 г. Центральная Русская Народная Рада в Ужгороде провозгласила вхождение бывшей Угорской Руси в состав Чехословакии в качестве автономной единицы.

Полный контроль Праги над северо-восточными областями Словакии, значительную часть населения которых составляли карпатские русины, был установлен лишь в конце декабря 1918 г. Именно в это время чехословацкие легионы под командованием французских генералов стали занимать населенные русинами северные районы Спишской, Шаришской и Земплинской жуп. Идеи чехословацкой государственности были поначалу чужды подавляющему большинству местного населения, причем не только русинам, но и словакам. По словам словацкого историка С. Конечного, интеллигенции с развитым словацким самосознанием «было в этой области мало... Чехословацкое государство в северо-восточной Словакии вначале поддерживали лишь единицы; ситуация изменилась только после занятия Прешова 27 декабря 1918 г.» [1, s. 62]. Характеризуя этнокультурную специфику местного населения, чехословацкий этнограф Гусек отмечал в 1925 г., что о полноценном национальном самосознании большинства жителей восточной Словакии нельзя было говорить. По его словам, население северо-восточных регионов Словакии жило «либо семейным эгоизмом, либо региональным патриотизмом, либо племенным сознанием, главными компонентами которого были вера и язык» [2, s. 51].

Особенности административного и национального положения русинов в Чехословакии. Специфика положения русинского населения в межвоенной Чехословакии заключалась в отсутствии обещанного чехословацкими политиками административно-территориального единства населенных русинами областей. Новая административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью, начинавшаяся в 2 км восточнее г. Чоп и проходившая по реке Уг (Уж), разделила компактно населенную русинами территорию на две части, оставив значительную часть русинского населения в составе Словакии. В отличие от русинов Подкарпатской Руси русины восточной Словакии оказались в роли национального меньшинства административ-

Шевченко Кирилл Владимирович — профессор кафедры публичного права Минского филиала Российского государственного социального университета; профессор (совместитель) кафедры истории южных и западных славян Белорусского государствеенного университета, доктор исторических наук

ного образования и какой-либо автономии. Права словацких русинов регулировались параграфом № 6 конституции Чехословакии, который гарантировал национальным меньшинствам право пользоваться родным языком в общественной сфере и в прессе.

Языковые права национальных меньшинств Чехословакии определялись законом № 122/1920, принятым в феврале 1920 г., и конкретизировались последующим правительственным постановлением от 3 февраля 1926 г., в соответствии с которым «государственным языком» Чехословакии был провозглашен «чехословацкий» язык. В местах, где численность национальных меньшинств составляла как минимум 20 %, органы власти были обязаны принимать запросы населения и отвечать на них помимо государственного языка также и на языке соответствующего национального меньшинства. «Суды, учреждения и прочие органы республики, компетенция которых распространяется на судебный округ, где в соответствии с последней переписью проживает как минимум 20 % граждан, языком которых не является чехословацкий язык..., — говорилось в законе, — обязаны принимать от представителей этого меньшинства документы на их языке. Решения по их делам должны выдаваться не только на чехословацком языке, но и на том языке, на котором документы были поданы» [3, s. 110—111]. Примечательно, что данный закон увязывал языковые права национальных меньшинств с их численностью в судебных округах, границы которых определялись властями.

Численность, конфессиональные и демографические особенности русинов Словакии. По данным чехословацкой переписи, проведенной в феврале 1921 г., количество тех, кто указал «русскую» национальную принадлежность на территории Словакии, составило 85 628 человек. Всего в Словакии в это время насчитывалось 2 012 538 представителей «чехословацкой» национальности, 634 627 венгров, 139 880 немцев, 70 522 евреев и 11 466 представителей других национальностей [4, s. 173]. В конфессиональном отношении в Словакии к февралю 1921 г. насчитывалось 2 124 700 представителей римско-католической церкви, 193 671 грекокатоликов, 382 823 протестантов-евангелистов, 143 950 протестантов-реформистов, 135 879 иудеев и 16 025 представителей других конфессий и неверующих [4, s. 173]. Значительная разница между числом указавших «русскую» национальность (85 628) и количеством грекокатоликов (193 671) дала основание русинским общественным деятелям для утверждений об искусственно заниженной словацкими властями численности русинского населения в Словакии. По мнению русинских общественных деятелей, принадлежность к грекокатолической церкви была более надежным индикатором этнической принадлежности и точнее отражала действительную численность русинов в Словакии.

Среди населенных пунктов восточной Словакии с преобладавшим русинским населением были г. Снина (16 853 представителей «русской» национальности; 5697 представителей «чехословацкой» национальности и 1154 еврея), г. Медзилаборце (13 586 «русских», 1502 «чехословаков» и 1557 евреев) и г. Свидник (8328 «русских», 5968 «чехословаков» и 752 еврея) [4, s. 172]. Примечательно, что в населенных пунктах северо-восточной Словакии число грекокатоликов заметно превышало число указавших «русскую» национальность. Особенно заметной эта разница была в восточнословацком г. Михаловце, где к февралю 1921 г. проживало 3094 «русских», но 12 021 грекокатоликов [4, s. 172].

В социально-экономическом отношении северо-восточная часть Словакии, наряду с Подкарпатской Русью, относилась к наиболее отсталым регионам межвоенной Чехословакии. Ведущей отраслью экономики в этой части Словакии было сельское хозяйство; слабо развитая промышленность была представлена лишь несколькими небольшими деревообрабатывающими предприятиями. Подавляющее большинство местного русинского населения (около 89 %) было занято в сельском хозяйстве. Лишь около 3,5 % местных русинов работали в промышленности или занимались различными ремеслами [1, s. 57]. В отличие от регионов западной и средней Словакии занятость в промышленности восточной Словакии к 1926 г. не

только не увеличилась, но, напротив, упала до уровня 1900 г. После вхождения в состав Чехословакии в течение всего межвоенного периода экономическая отсталость была характерна для регионов восточной Словакии [5, s. 119].

Отношения между властями Словакии и русинами в 1920-е гг. По мнению канадского слависта П. Магочи, положение русинов Словакии было отмечено тремя чертами: 1. Нерешенный вопрос единства с Подкарпатской Русью и постоянные трения со словаками по поводу политической лояльности, цензуры, языка обучения в школах. 2. Тяжелая экономическая ситуация, еще более ухудшившаяся после экономического кризиса 1930-х гг. 3. Культурное возрождение, принесшее с собой проблему приемлемой национальной идентичности [6, p. 36].

Еще в ходе переговоров о присоединении русинских земель к Чехословакии русинские лидеры получили заверения чехословацких политиков в том, что населенные карпатскими русинами области образуют в составе ЧСР единую административно-территориальную единицу с широкой автономией. Хотя с образованием Чехословакии это обещание пражских политиков было не выполнено, поскольку значительная часть населенных русинами земель вошла в состав Словакии, чехословацкие власти на словах не исключали возможности изменения административной границы между Словакией и Подкарпатской Русью с учетом пожеланий русинов, что стимулировало активность русинских политиков в этом направлении. Ревизия словацко-подкарпаторусской границы и воссоединение русинов Словакии с русинами Подкарпатской Руси было принципиальным пунктом всех русинских требований. Инициатор присоединения карпатских русинов к Чехословакии и первый губернатор Подкарпатья Г. Жаткович постоянно поднимал вопрос об автономии и объединении русинских земель. Нежелание Праги пойти навстречу русинам в этих вопросах вынудило Жатковича в марте 1921 г. уйти в отставку.

Если Масарик в ходе переговоров с Жатковичем в США осенью 1918 г. не скупился на обещания требуемых русинами границ и широких автономных прав, то словацкие политики, со своей стороны, в начале становления независимой ЧСР старались нейтрализовать венгерское политическое влияние на русинов, расположив к себе русинских лидеров щедрыми обещаниями. Так, 30 ноября 1918 г. Словацкая Народная Рада в Турчанском Св. Мартине издала обращение «Братья, русины!», в котором, критикуя провенгерскую позицию тогдашней Ужгородской Рады, призывала русинов «как свободный народ к нам присоединиться», обещая «полную автономию в церковных и в школьных делах», собственные гимназии и даже «университет с русскими преподавателями», а также строительство железных дорог и фабрик, чтобы «русский народ приобрел благополучие» [7, s. 527]. Однако по мере того, как присоединение карпатских русинов к Чехословакии становилось свершившимся фактом, чешские и словацкие политики быстро забывали о своих сделанных ранее щедрых обещаниях.

Проблемы во взаимоотношениях словацких властей и русинов стали проявляться уже весной 1919 г. В своем письме министру по делам Словакии В. Шробару 10 марта 1919 г. Масарик упоминал о том, что побывавшие у него на приеме два представителя русинского населения «жаловались на грубое обращение со стороны словацких чиновников. Я настоятельно прошу Вас дать строгий приказ учреждениям и жупанам на территории, населенной русинами, обращаться с русинским населением как можно более гуманно, — обращался к Шробару Масарик. — Русинская территория, соединяющая наше государство с Румынией, представляет для нас особую важность и должна быть приобретена нами по-дружески» [8].

Эйфория, вызванная в Словакии полученной свободой, «проявилась в стремлении подавить все несловацкое, т. е. не только мадьяр и мадьяронов, но и русинское движение... Стремление затормозить развитие русинского образования с помощью законов Аппоньи и пренебрежительное отношение словацких чиновников, в основном из западной Словакии, к русинам вскоре вышли на первый план...» [1, s. 64]. В начале мая 1919 г. учителя многих русинских школ в восточной Словакии получили извещение от местного школьного инспектора об

окончании своей педагогической деятельности к 3 мая 1919 г. Формальным основанием подобного решения была неспособность сдать экзамен по словацкому языку. 24 июля 1919 г. глава Центральной Русской Народной Рады А. Бескид обратился к главе правительства Чехословакии В. Тусару с протестом против данных действий словацких властей.

Проблема русинской автономии и словацко-русинской границы. Наиболее острой проблемой словацко-русинских отношений с самого начала стал вопрос о границе Словакии с русинской административной единицей. Поездка Г. Жатковича в июле 1919 г. на мирную конференцию в Париж и его контакты с чехословацким руководством не помогли решить вопрос словацко-русинской границы в выгодном для русинов направлении. Энергичные усилия по решению данной проблемы с самого начала предпринимал и лидер русинов восточной Словакии А. Бескид. Так, 24 августа 1919 г. Бескид направил чехословацкому правительству меморандум под названием «Карпаторусский вопрос в Чехословацкой республике», в котором предложил, чтобы частью автономного карпаторусского образования, помимо жуп Уж, Берег, Угоча и Мараморош, вошедших в состав Подкарпатской Руси, были также восточнословацкие жупы Шариш и Земплин, а также любовнянский район жупы Спиш. В случае, если бы мирная конференция делегировала право решения вопроса о словацко-русинской границе Чехословакии, Бескид предлагал устроить в указанных восточнословацких жупах референдум [1, s. 67].

Пользуясь поддержкой тогдашнего администратора Подкарпатской Руси доктора Брейхи, Бескид выступил инициатором переговоров между представителями русинов и словаков по поводу границы между Подкарпатской Русью и Словакией. Переговоры состоялись в конце сентября 1919 г. в Праге. В состав словацкой делегации входили депутат И. Грушовский, редактор Й. Шкультеты, а также профессора К. Хотек и И. Дворский. Русинскую делегацию представляли А. Бескид, О. Невицкий, А. Волошин и Е. Пуза. В ходе переговоров Бескид предложил присоединить к автономной Подкарпатской Руси территорию всей Земплинской жупы, северную часть Шаришской жупы и Старолюбовнянский округ Спишской жупы. Словацкая делегация была готова пойти на частичные уступки; И. Грушовский от имени словацкой делегации заявил о намерении словацкой стороны изложить свою позицию в письменной форме. Однако в итоге никакой договоренности достигнуто не было, поскольку «Масарик порекомендовал Грушовскому... не давать никаких письменных обязательств по поводу урегулирования вопроса о границе» [5, s. 90]. Словацкая пресса позже сообщала, что словацко-русинские переговоры закончились неудачей по причине «максималистских» требований русинской стороны [5, s. 91].

Недовольство русинов территориальной раздробленностью русинских земель стало проявляться уже с осени 1919 г., когда во многих русинских населенных пунктах восточной Словакии состоялись массовые выступления населения с требованием единства всех русинских областей. В октябре 1919 г. в г. Гуменне (жупа Земплин) состоялось народное собрание, участники которого выразили протест «против отделения земплинской и других западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси» и потребовали «справедливого соединения всех округов с русским населением в единую автономную область» [9].

Политический оппонент Жатковича и лидер восточнословацких русинов русофил А. Бескид выступал в защиту национальных прав русинов в Словакии и энергично поддерживал требования автономии и объединения русинских земель. По инициативе А. Бескида и под патронажем лидера чехословацких национальных демократов К. Крамаржа в мае 1919 г. в Прешове была создана Русская Народная партия в Словакии. Данная партия отстаивала традиционные русофильские взгляды, трактуя русинов как составную часть русского народа и выступая за объединение русинов и в защиту культурно-языковых прав русинского населения Словакии. Руководители Русской Народной партии были одними из инициаторов направленного в апреле 1922 г. в Лигу Наций меморандума с требованием объединения русинов

Подкарпатья и восточной Словакии, проведения выборов в парламент Подкарпатской Руси и обеспечения автономии Подкарпатья. В ответ на это требование чехословацкое руководство заявило о неготовности и недостаточной зрелости русинов к введению автономии. Впоследствии этот аргумент постоянно использовался чехами для полемики с теми, кто обвинял Прагу в невыполнении обязательства по предоставлению автономии Подкарпатской Руси.

В начале 1920-х гг. А. Бескид и возглавляемые им политические структуры в лице Русской Народной партии и Центральной Народной Рады направили ряд меморандумов правительству Чехословакии и президенту Масарику с требованиями автономии Подкарпатской Руси, изменения русинско-словацкой границы и обеспечения прав русского языка как в Подкарпатской Руси, так и в русинских областях Словакии. Русинские политические деятели Словакии пытались привлечь внимание международной общественности к положению русинов в Чехословакии. 10 апреля 1922 г. лидеры Русской Народной Рады в Прешове направили конференции Лиги Наций в Женеву «меморандум подкарпатского русского народа» с резкой критикой чехословацких властей. «Наш живой организм разрезан на две части рекой Уж; условия жизни невыносимы по обеим сторонам, — говорилось в меморандуме. — Об автономной жизни нет и не может быть слова. Три года народ живет под военной диктатурой. Цензура газет и писем предпринимается с невиданной строгостью...» [10]. По инициативе Бескида и его сторонников организовывались массовые выступления русинского населения, на которых принимались соответствующие резолюции. В середине июня 1922 г. в восточнословацком местечке Медзилаборце состоялся многочисленный митинг русинского населения. «В митинге приняло участие около трех тысяч человек, — сообщала чехословацкая пресса. — Среди выступавших были доктор Бескид, доктор Гагатко и доктор Каминский. ...Все выступавшие протестовали против действий пражского и братиславского правительства. В принятых резолюциях содержались следующие требования: присоединение западных русинских жуп к автономной Подкарпатской Руси; введение русского литературного языка в учреждения и школы; обеспечение доступа местного населения к государственной службе» [11].

Бурю негодования в Подкарпатской Руси и среди русинов восточной Словакии вызвало постановление чехословацкого правительства № 280/22 от 21 сентября 1922 г. о передаче 43 русинских сел Ужгородской жупы в состав Словакии в рамках создания нового административного образования — Кошицкой жупы. Данное решение чехословацкого правительства, по признанию чиновника президентской канцелярии Я. Нечаса, явилось «грубой тактической ошибкой», которая способствовала переходу в оппозицию политических партий Подкарпатья и распространению недоверия к чехам среди местной общественности [12]. Борьба против данного постановления стала дополнительным мобилизующим фактором для русинского движения в восточной Словакии.

Кульминацией национальных выступлений русинов Словакии стал национальный конгресс карпатоpуссов, состоявшийся 23 ноября 1922 г. в Прешове. «Национальный русский конгресс одобряет резолюции, принятые на собраниях общественности в гг. Медзилаборце, Гуменне, Стакчин, Станчин, Веляты и Свидник, и направляет их правительству и президенту Чехословацкой республики с требованием немедленного исполнения содержащихся в резолюциях требований карпаторусского народа, — говорилось в решениях национального конгресса карпаторуссов. — Конгресс протестует против создания так называемой Кошицкой жупы, поскольку это предшествует окончательному определению границы между Подкарпатской Русью и Словакией... и требует отмены правительственного решения о присоединении 43 карпаторусских сел Ужгородской жупы к Словакии. Конгресс требует скорейшего назначения губернатора Подкарпатской Руси, который может быть только карпаторусским уроженцем русской национальности... Конгресс протестует против всех централистских мер, предпринимаемых чешскими и словацкими чиновниками... Конгресс требует, чтобы установление окончательной границы между Подкарпатской Русью и Словакией было

проведено с учетом этнографических, исторических и географических факторов...» [13]. В отдельном пункте конгресс выражал протест «против украинизации Подкарпатской Руси в языковой, образовательной и прочих сферах» [13].

Политическая активность прешовских русинов болезненно воспринималась словацкими властями и общественностью. Крайне негативная оценка русинского конгресса, состоявшегося 23 ноября 1922 г. в Прешове, содержалась в газете «Словенски виход», которая обрушилась с резкой критикой на участников съезда за их «античехословацкие настроения». Особое недовольство автора статьи о русинском съезде вызвало требование русинской общественности расширить границы Подкарпатской Руси «вплоть до Попрада», а также ее критическое отношение к отправке словацких учителей в русинские села, где они, по мнению русинской интеллигенции, «словакизируют русский народ». Газета обвиняла русинов в «неспособности оценить» усилия чехословацких властей, «стремящихся преодолеть отсталость местного населения» [14].

Напряженность в словацко-русинских отношениях и политическая активность русинов восточной Словакии в начале 1920-х гг. вызывали озабоченность в Праге. В конфиденциальных документах некоторые высокопоставленные чехословацкие чиновники были вынуждены частично признать обоснованность русинских требований, критически отзываясь о политике словацких властей в отношении русинского меньшинства. Чиновник канцелярии президента Я. Нечас, комментируя один из меморандумов лидеров русинского движения в восточной Словакии, писал 12 января 1922 г., что «острый и разочарованный тон Русской Народной Рады в Прешове вызван нетактичными действиями словацких властей. Вместо того, чтобы использовать более мягкие методы и удовлетворять потребности русинов Земплинской, Шаришской и Спишской жуп, словаки стремятся словакизировать все население быстро и радикальными средствами. Своими жесткими действиями словаки добиваются прямо противоположных результатов, вызывая тем самым русинский вопрос в восточной Словакии» [13].

Одним из оправдавших себя методов, использовавшихся Прагой для снижения политической активности русинов Словакии, была кадровая политика. Стремление ослабить русинское движение в Словакии было одной из важных причин назначения лидера восточнословацких русинов А. Бескида вторым губернатором Подкарпатской Руси осенью 1923 г. В ответ на данное назначение и связанные с ним статусные и материальные выгоды А. Бескид согласился уменьшить критику чехословацких властей и выйти из руководства Русской Народной партии в Словакии [15, p. 37]. Ранее Прага эффективно использовала А. Бескида и его сторонников для противодействия Г. Жатковичу.

Вопреки стремлению русинов к воссоединению, новый административный закон, вступивший в Чехословакии в силу в 1928 г., окончательно утвердил существовавшую границу между Словакией и Подкарпатской Русью, которая до этого считалась временной. В соответствии с законом 1928 г., территория Чехословакии делилась на четыре провинции: Чехию, Моравию-Силезию, Словакию и Землю Подкарпаторусскую; при этом границей между Словакией и Подкарпатской Русью оставалась старая административная граница. Обещания пражских политиков изменить словацко-подкарпаторусскую границу в пользу русинов в очередной раз оказались нарушены, вызвав сильное разочарование среди русинской общественности. Более того, в ходе подготовки нового административного закона проявилось стремление некоторых чехословацких политиков урезать территорию Подкарпатской Руси, передав часть западных районов Подкарпатья вместе с г. Ужгород Словакии, что вызвало бурю возмущения среди русинов в Чехословакии и в США. «Чехи намереваются ограбить Подкарпатскую Русь. Они хотят забрать и сам Ужгород и передать его Словакии. Подобно подлому мяснику, они режут тело нашего народа» [16], — такими эмоциональными заголовками комментировал влиятельный среди русинской диаспоры США «Американский Русский Вестник» намерения пражских политических кругов. «Новым административным за-

коном пражское правительство намеревается раз и навсегда похоронить наши автономные права и... нашу русскость. С помощью нового закона хотят присоединить к Словакии Ужгород и всю ужанскую жупу. Все депутаты и сенаторы Карпатской Руси единогласно выступили против этого» [17], — писал «Американский Русский Вестник» 3 марта 1927 г.

Важным фактором, усиливавшим стремление восточнословацких русинов к воссоединению с Подкарпатской Русью, была политика словацких властей в области образования, с самого начала обнаруживавшая ассимиляторские тенденции. В 1922 г. министерство образования в Братиславе приняло решение о переходе с венгерского языка обучения в начальных грекокатолических школах восточной Словакии на словацкий язык. В 1874 г. в период нахождения этих областей в составе Венгрии русинский язык использовался в 237 начальных школах и, если бы соблюдалось положение чехословацкой конституции о защите национальных меньшинств, именно это количество школ должно было стать русинскими. Однако, начиная с 1923/24 учебного года, лишь в 95 начальных школах восточной Словакии использовался русинский язык, что свидетельствовало о словакизации системы образования в русинских областях Словакии [6, р. 37].

Переписи населения как проявление национальной политики чехословацких властей. Ассимиляционное давление на русинское население Словакии проявилось в способе проведения и результатах переписей населения. Уже в августе 1919 г. была проведена предварительная перепись населения в Словакии, в ходе которой лишь 93 411 жителей заявили о себе как о русинах. Это количество было на 16 % меньше, чем число русинов на той же территории, зафиксированное венгерской довоенной переписью 1910 г., в соответствии с которой на территории восточной Словакии проживало 111 280 русинов. Русинские общественные деятели резко критиковали проведение предварительной переписи 1919 г. словацкими властями, которые старались полностью исключить из этого процесса местную русинскую интеллигенцию. Счетные комиссары «оказывали влияние на население утверждениями о том, что русины не получат продовольственную помощь в виде муки и сахара... Временами счетные комиссары использовали методы политического шантажа, приближаясь к прежней венгерской практике, когда счетчики имели инструкцию действовать так, чтобы русинов было как можно меньше...» [1, s. 70].

Последующая перепись населения в Чехословакии в 1921 г. зафиксировала лишь 85 628 русинов на территории Словакии, что было даже меньше результатов предварительной переписи 1919 г. Явно заниженное количество словацких русинов в чехословацких переписях по сравнению с предшествовавшим периодом в значительной степени было результатом давления местных чиновников. Дискриминация со стороны чехословацких властей в ходе переписей облегчалась рядом факторов. Во-первых, часть местного населения, опасаясь за возможные неблагоприятные последствия венгерской оккупации и нахождения в составе Словацкой Советской республики, центр которой в июне 1919 г. находился в Прешове, легко принимала «чехословацкую» самоидентификацию, поскольку это могло быть интерпретировано властями как проявление политической лояльности. Во-вторых, формулировки вопросов, задававшихся в ходе переписей местному населению, предоставляли властям дополнительную возможность интерпретировать этническую принадлежность жителей восточной Словакии в выгодном для себя смысле. Так, в ходе переписей населения в Чехословакии в 1921 и 1930 гг. задавался вопрос о национальности, а не о родном языке, как это было во время предыдущих венгерских переписей. Между тем вопрос о родном языке позволял точнее определить этническую принадлежность населения, в то время как вопрос о национальной принадлежности нередко запутывал респондентов, которые при ответе зачастую указывали гражданство, а не национальность. Отвечая на вопрос о своей национальности, респондент имел возможность выбора из заранее определенных вариантов ответов, предусматривавших «чехословацкую национальность», а также немецкую, мадьярскую, «русскую», еврейскую или какую-либо

«другую». Категория «чехословацкой национальности» в ходе переписи на территории Словакии нередко вводила в заблуждение респондентов-русинов, выступая в качестве приемлемого варианта ответа для тех, кто не считал себя словаком, но имел чехословацкое гражданство. В результате часть русинского населения, являясь гражданами Чехословакии, выбирала «чехословацкую» национальность, путая гражданство и этническую принадлежность. Ситуация осложнялась тем, что словацкие власти были склонны трактовать всех указавших «чехословацкую национальность» на территории Словакии как словаков.

Возможность манипуляций в ходе переписи облегчалась низким образовательным и культурным уровнем части русинского населения. По меткому замечанию И. Ваната, «перепись населения в восточной Словакии проходила в тяжелой атмосфере борьбы за несознательные, нерешительные и зависимые от государства души. Часто счетчики определяли национальность тем, что ставили перед русином книгу, напечатанную кириллицей, и если русин не мог ее читать (что было естественно после запрета кириллицы венгерскими властями), то его записывали словаком» [5, с. 111]. Примечательно, что особенно резкое снижение численности русинов по сравнению с предыдущими переписями чехословацкая статистика фиксировала в «приграничных районах Шаришской и Спишской жуп, где разоренное войной население в наибольшей степени подвергалось давлению государственно-бюрократической машины. ...Новые статистические данные были призваны подтвердить словацкий национальный характер вышеуказанных жуп [5, с. 113].

Все это обостряло отношения между словацкими властями и русинской общественностью, испытывавшей все большее разочарование от пребывания в составе чехословацкого государства. «Словаки... — наши ближайшие по крови и духу славянские братья и соседи. С ними соединяет нас тысячелетняя неволя, в которой держали нас мадьяры... Мы, руснаки, добровольно присоединились к чехословацкой республике, надеясь, что заживем с нашими братьями-словаками в добром славянском согласии. К сожалению, так не случилось, — писала 3 ноября 1921 г. издававшаяся в Прешове газета «Русь». — Уже три года мы свободны, а в русских селах школы закрыты, русского урядника не найдешь, нашу веру и язык мало уважают, в урядах его не признают. Наши братья-словаки дошли до того, что заявили: «Русского народа в Шарише, Земплине и Спише нет». При недавней переписи в отношении к нам совершили страшную несправедливость. Чисто русские села записали словацкими. Высокие словацкие урядники вели агитацию против русского народа. Наших патриотов... словацкие газеты называли мадьяронами... Братья-словаки, что это значит? — вопрошала прешовская «Русь». — Опомнитесь! Словаками мы никогда не будем, а Вы напрасно лишь посеете раздор между двумя братскими славянскими народами» [18]. Перегибы словацких властей в ходе переписи в феврале 1921 г. признавали и пражские чиновники. «Перепись населения, на которую Русская Народная партия в Прешове жалуется больше всего, проводилась противозаконно, что вызвало возмущение даже среди ранее индифферентно настроенных русинов, — писал 12 января 1922 г. сотрудник канцелярии президента Я. Нечас. — Если бы словаки действовали более осторожно и... справедливо, то они могли бы достичь своей цели легче, нежели применяя более агрессивные методы» [13].

Административное навязывание властями «чехословацкой» идентификации населению восточной Словакии было связано и со стремлением окончательно «словакизировать» местных словаков, диалекты которых (спишский, шаришский и земплинский) заметно отличались от словацкой литературной нормы, что создавало предпосылки для культурно-языкового сепаратизма. Некоторые местные деятели отстаивали идею существования отдельного восточнословацкого («словяцкого») народа, что находило поддержку в соседней Венгрии. В декабре 1918 г. была даже провозглашена независимая восточнословацкая республика с центром в Кошице, вскоре ликвидированная чехословацкими властями [6, p. 38—39]. Культурно-языковые особенности местного русинского и восточнословацкого населения, созда-

вавшие питательную почву для сепаратистских настроений и напряженные отношения с Венгрией, стремившейся использовать это в своих интересах, вызывали повышенное внимание чехословацких властей, которые боролись с проявлениями локального своеобразия, пытаясь гомогенизировать местное население в духе лояльности к чехословацкой государственности.

Если русинская пресса и общественные деятели оспаривали результаты переписи 1921 г., считая, что словацкие власти искусственно занизили количество русинов в Словакии, то словацкая пресса, апеллируя к результатам переписи, подчеркивала незначительную численность русинов и необоснованность их требований. «В Земплине 11,6 % русинов, в Шарише 22,5 %, в Спише 9,4 %, — писал 31 мая 1921 г. «Словенски Деник». — Заявления о том, что на территории Словакии живет более 300 000 русинов, являются тенденциозными и пропагандистскими» [19]. Результаты второй переписи населения в ЧСР, проведенной в декабре 1930 г., были более благоприятны для русинов. По данным этой переписи, число указавших «русскую» национальность, составило 91 079 человек [20, s. XX], что было несколько выше данных переписи 1921 г., зафиксировавшей 85 628 русинов. Количество грекокатоликов в Словакии к декабрю 1930 г. составило 213 721 человек, что было также выше данных предыдущей переписи 1921 г., зафиксировавшей 193 671 грекокатоликов.

Однако демографические и этнокультурные процессы, протекавшие в населенных пунктах восточной Словакии с преимущественно русинским населением, были неблагоприятны для русинов. Так, если в г. Снина в 1921 г. проживало 16 853 представителя «русской» национальности и только 5697 «чехословаков», то в 1930 г. их численность возросла, составив 19 891 и 11 388 соответственно. Если в г. Медзилаборце в 1921 г. проживало 13 586 «русских» и лишь 1502 «чехословаков», то в 1930 г. их количество составило 14 944 и 2860 соответственно [20, s. XVIII]. Таким образом, общая динамика изменения численности «чехословаков» и представителей «русской» национальности в крупных русинских населенных пунктах восточной Словакии складывалась не в пользу русинов, поскольку количество «чехословаков» росло значительно более быстрыми темпами, чем число русинов.

Чехословацкая пресса нередко обнаруживала тенденцию ставить под сомнение само существование русинов как самобытного этноса. Так, «Час» трактовал русинское самосознание как «результат венгерской пропаганды, которая изобрела новую русинскую национальность в качестве противовеса развивавшемуся словацкому движению. Грекокатолики не принимали участия в национальном движении, их попы выступали против словаков, а когда была изобретена новая народность, руснацкая, дело раскола было завершено...» [21]. С особой тревогой «Час» писал о русинском требовании ревизии границы между Подкарпатской Русью и Словакией. «Насколько мы информированы, — с удовлетворением заключал “Час”, — в управлении восточными жупами не предполагается никаких изменений. Правительство решительно настроено противостоять русинским требованиям. Граница между Словакией и Подкарпатской Русью пока меняться не будет» [21]. Стремясь доказать «искусственность» русинов, «Час» утверждал, что диалект русинов северо-восточной Словакии ближе к словацкому, чем к русскому или украинскому языкам. В качестве примера «Час» ссылался на некую русинскую листовку, которая распространялась в русинских областях Словакии перед переписью населения и утверждала, что численность русинов в Словакии составляет двести тысяч человек. Поскольку листовка была написана латиницей, «Час» доказывал, что ее язык «с некоторыми оговорками можно считать восточнословацким диалектом» и что азбуку русинское население почти не понимает [22]. Для дискредитации русинского движения и его лидеров чехословацкая пресса поднимала тему денационализации и мадьяронства русинской интеллигенции, ставя под сомнение ее право выступать в качестве полномочного представителя русинского народа. Это вызывало противодействие русинской прессы. Лидер Русской Народной партии в Словакии доктор К. Мачик, отвечая на статью в газете

«Словенски виход», упрекавшую ужгородских семинаристов за общение на венгерском языке и русинскую интеллигенцию за утрату «русского национального чувства», объяснял это тяжелым национальным положением русинов в Венгрии. По словам Мачика, православие и позже униатство «были только терпимы», в то время как словаки «принадлежали к господствующей религии» [23].

Тема «венгерского засилья» в Словакии и Подкарпатской Руси и потенциальной опасности венгерского ирредентизма была популярна в чешской прессе в 1920-е гг., которая связывала угрозу ирредентизма с автономистскими устремлениями русинов и словаков. Особенно часто в этой связи чешские газеты критиковали Словацкую людовую партию А. Глинки за чехофобию и за то, что чехи воспринимали как «скрытое мадьяронство» [24].

Реакция русинской общественности на политику чешских и словацких властей в русинском вопросе. Проявления ассимиляционной политики со стороны чехословацких властей вызывали многочисленные протесты русинской интеллигенции. «Нет в республике ни одной такой народности, которая бы подвергалась таким экспериментам... Эксперименты языковые, политические, административные, религиозные, — это общее явление. Чем дальше продолжаются эти ненормальные явления, тем глубже тонут наши экономические, культурные и национальные интересы» [25], — критически комментировала русинскую политику чехословацких властей в октябре 1925 г. «Народная Газета». «Пока мы ссоримся, сочиняем несуществующие «руськие», «русинские», «материнские» и прочие языки, на наших русских территориях спокойно и систематически вводятся чешские и словацкие школы и самым грубым образом нарушаются наши автономные права» [26], — замечал один из русофильских публицистов. В 1930 г. «Народная Газета» сделала нелицеприятный для словацких властей вывод о том, что «отдаленная от Карпатской Руси Чехия менее опасна соседней Словакии, уничтожающей нашу карпаторусскую культуру на оторванной Пряшевщине хуже мадьяр. По словацкой теории, в Словакии нет русских, а есть только грекокатолические словаки, которые должны быть ословачены, какие бы методы ни применялись...» [27]. Крайне негативное отношение к русинской политике чешских и словацких властей демонстрировали и представители влиятельной русинской диаспоры США. «Дорогие братья и сестры! Вы... присоединили нас к Чехословакии, думая, что сделаете из нас свободный народ. Но наоборот, сейчас наш народ как на Подкарпатской, так и на Пряшевской Руси является народом подъяремным, — говорилось в «Письме из Пряшевской Руси», опубликованном в «Американском Русском Вестнике» 14 марта 1929 г. Чехословакия принесла нам не свободу, но рабство. На русскую школу не получили мы ни цента, а президент Масарик дал на еврейскую гимназию в Мукачево 600 000 чешских крон» [28]. Постоянная критика политики чехословацких властей в русинском вопросе на страницах «Американского Русского Вестника» привела к тому, что в 1935 г. правительство ЧСР приняло решение запретить распространение этого издания в Чехословакии.

Подобная политика чехословацких властей стимулировала борьбу русинов Словакии за свои национальные права и их стремление к воссоединению с Подкарпатской Русью. Все русинские конгрессы в Словакии постоянно требовали ревизии границы с Подкарпатской Русью, использование русского литературного языка в школах и в общественной жизни, а также привлечение представителей местного населения к работе в органах государственной власти [19]. В полной мере борьба русинов Словакии за свои национальные права развернулась в 1930-е гг., когда им удалось достичь ряда успехов, главным образом, в сфере образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Konečný, S.* Rusíni na Slovensku a vznik československého státu / S. Konečný // Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus. Sborník z mezinárodní konference v Praze. Praha : Společnost přátel Podkarpatské Rusi, 1999. S. 57—86.

2. *Lozoviuk, P.* Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě / P. Lozoviuk. Pardubice : Univerzita Pardubice, 2005. 198 s.
3. *Kárník, Z.* České země v éře první republiky / Z. Kárník. Praha : Libri, 2000. 577 s.
4. Statistický lexikon obcí na Slovensku vydaný ministerstvom vnutra a štatným úradom statistickým na základě výsledkov sčítania ludu z 15. února 1921. V Prahe, 1927. 179 s.
5. *Ванат, І.* Нариси новітньої історії українців Східної Словаччини. І (1918—1938) / І. Ванат. Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі ; Відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 297 с.
6. *Magocsi, P. R.* The Rusyns-Ukrainians of Czechoslovakia. A Historical Survey / P. R. Magocsi. Wien : Wilhelm Braumüller, Universitäts-Verlagsbuchhandlung GMBH, 1983. 117 p.
7. Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Číslo 3. 552 s.
8. Archiv Ústavu T. G.Masaryka (AÚTGM), fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1919, krabice 400.
9. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1919. № 40.
10. Американский Русский Вестник. Гомстед, ПА. 1922. № 17.
11. Čas. 15.07.1922.
12. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1923/1, krabice 402.
13. AÚTGM, fond T. G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1922, krabice 401.
14. Slovenský Východ. 26. 11. 1922.
15. Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Revised and Expanded Edition / Edited by Paul Robert Magocsi and Ivan Pop. Toronto: University of Toronto Press, 2005. 569 p.
16. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1927. № 6.
17. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1927. № 9.
18. Русь. 1921. № 2—3.
19. Slovenský Deník. 31. Vol. 1922.
20. Štatistický lexikon obcí v krajine Slovenskej vydaný ministerstvom vnútra a štátným úradom štatistickým na základe výsledkov sčitania l'udu z 1. decembra 1930. V Praze, 1936. 187 s.
21. Čas. 08.03.1921.
22. Čas. 22.03.1921.
23. Народная Газета. 1924. № 1.
24. Státní Ústřední Archiv (SÚA), fond Ministerstvo zahraničních věcí — výstřižkový archiv, sign. 871, kart. č. 1740. Slovensko — národnosti 1920—1932.
25. Народная Газета. 1925. № 21.
26. Народная Газета. 1926. № 19.
27. Народная Газета. 1930. № 1.
28. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 1929. № 11.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются различные аспекты статуса русинов (рутенов), национального меньшинства в Словакии в 1920-е гг. Отсутствие территориальной целостности и автономии, обещанной чехословацкими политиками для русинских земель в рамках Чехословакии, проблема административной границы между Словакией и Подкарпатской Русью, вопрос о проведении переписей населения в населенных русинами областях Словакии, а также проблемы соблюдения русинских культурных и языковых прав — относятся к жизненно важным вопросам для русинского меньшинства в Словакии в течение всего межвоенного периода.

SUMMARY

The article focuses on various aspects of the status of Rusyn (Ruthenian) national minority in Slovakia during 1920-ties. Absence of territorial integrity and promised by Czechoslovak politicians autonomy of the Rusyn lands within Czechoslovakia, problem of the administrative border between Slovakia and Subcarpathian Rus, issue of conducting population censuses in Rusyn-populated areas of Slovakia as well as problem of the observance of Rusyn cultural and linguistic rights belonged to the most burning issues characteristic for Rusyn minority in Slovakia during the whole interwar period.

Статья поступила в редакцию 24 ноября 2010 г.